

Научная статья

УДК 343.36+94(47)

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.2.67-83

О развитии уголовного права в борьбе с преступлениями против правосудия в Российской империи (XVIII – начало XX в.)

Сергей Николаевич Жаров¹, Ольга Евгеньевна Финогентова²

¹ Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия, Челябинск, Российская Федерация

² Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Российская Федерация

¹ serzhar@mail.ru, ² finogentovaoe@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию развития одного из важнейших институтов уголовного права – борьбы с преступлениями против правосудия в Российской империи XVIII – начала XX в. Особое внимание авторы уделили преступлениям в период дознания и предварительного следствия, поскольку именно на этом этапе закладывалась доказательная основа для рассмотрения дела в суде, а такие преступления были наиболее общественно опасными. Несомненно, это осознавали и законодатели, установившие весьма строгие меры наказания именно за эти виды преступлений.

Теоретические основы. Методы. В ходе исследования привлечены точки зрения отечественных и иностранных авторов, как современных, так и создавших свои произведения в изучаемые периоды. В исследовании использован диалектический метод, позволивший с помощью категорий необходимого и случайного проследить развитие наказания за лжесвидетельство. Применен системно-структурный метод, позволивший уточнить классификацию преступлений против правосудия, предложенную Ю. И. Кулешовым, а также иные общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, моделирование) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой).

Результаты исследования. Выявлено изменение взгляда законодателя на некоторые составы преступлений при общей неразрывности процесса развития уголовного права в целом и конкретного института борьбы с преступлениями против правосудия. Исследование позволило сделать вывод о том, что защита правовых интересов правосудия, несмотря на то что соответствующие статьи не были объединены в один раздел, воспринималась законодателем как объект самостоятельной уголовно-правовой защиты.

Обсуждение и заключение. Исследование дает основание сделать вывод о высоком уровне юридической техники исследуемого периода. Рассредоточение

составов преступлений против правосудия свидетельствует о том, что защита интересов правосудия воспринималась законодателем как объект самостоятельной уголовно-правовой защиты.

Ключевые слова: Российская империя, уголовное право, правосудие, следствие, фальсификация доказательств, ложный донос, лжесвидетельство, взятка

Для цитирования: Жаров С. Н., Финогентова О. Е. О развитии уголовного права в борьбе с преступлениями против правосудия в Российской империи (XVIII – начало XX в.) // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 2. С. 67–83. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.2.67-83

Original article

On the Development of Criminal Law in the Fight Against Crimes Contrary Justice in the Russian Empire (XVIII – early XX century)

Sergey N. Zharov¹, Ol'ga E. Finogentova²

¹ *Ural Branch, Russian State University of Justice, Chelyabinsk, Russian Federation*

² *Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation*

For correspondence: ¹serzhar@mail.ru, ²finogentovaoe@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the development of one of the most important institutions of criminal law – the fight against crimes contrary justice in the Russian Empire of the XVIII – early XX century. The authors paid special attention to crimes during the inquiry and preliminary investigation, since it was at this stage that the evidentiary basis for considering the case in court was laid, and such crimes were the most socially dangerous. Undoubtedly, this was also realized by the legislators, who established very strict penalties for these types of crimes.

Theoretical Basis. Methods. In the course of the study, the points of view of domestic and foreign authors, both modern and those who created their works during the studied periods, are involved. The dialectical method was used in the study, which allowed using the categories of necessary and accidental to trace the development of punishment for perjury. The system-structural method was applied, which made it possible to clarify the classification of crimes against justice proposed by Yu. I. Kuleshov, as well as other general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, modeling) and private scientific methods of cognition (formal-legal, historical-legal, comparative-legal).

Results. The author reveals a change in the legislator's view on some elements of crimes with the general continuity of the process of development of criminal law as a whole and the specific institution of combating crimes against justice. The study made it possible to conclude that the protection of the legal interests of justice, despite the fact that the articles were not combined into one section, was perceived by the legislator as an object of independent criminal legal protection.

Discussion and Conclusion. The study gives grounds to conclude that the level of legal technique of the period under study is high. The dispersal of the elements of crimes against justice indicates that the protection of the interests of justice was perceived by the legislator as an object of independent criminal law protection.

Keywords: Russian Empire, criminal law, justice, investigation, falsification of evidence, false denunciation, perjury, bribe

For citation: Zharov, S. N., Finogentova, O. E., 2023. On the development of criminal law in the fight against crimes contrary justice in the Russian Empire (XVIII – early XX century). *Pravosudie/Justice*, 5(2), pp. 67–83. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.2.67-83.

Введение

Осуществление правосудия – одна из важнейших внутренних функций государства. По сути, это предохранительный клапан, через который сбрасывается внутреннее напряжение, способ разрешения конфликтов между членами общества, не допускающий накопления этого напряжения до взрывоопасного состояния. Именно поэтому преступления против правосудия представляют особую опасность для всего общества.

Известный русский юрист А. В. Лохвицкий в учебнике уголовного права привел слова, прозвучавшие при обсуждении французского Уголовного кодекса: «Преступление умышленной несправедливости вследствие подкупа, без сомнения, самое низкое, какое только может совершить судья. Это также одно из самых опасных для общества. Можно в известной мере защититься от вора и убийцы, но нельзя защититься от судьи, который поражает вас мечом закона и убивает вас в своей камере» [Лохвицкий, А. В., 1871, с. 418].

Теоретические исследования. Методы

В ходе исследования привлечены точки зрения отечественных и иностранных авторов, как современных, так и создавших свои произведения в изучаемые периоды. В исследовании использован диалектический метод, позволивший с помощью категорий необходимого и случайного проследить развитие наказания за лжесвидетельство. Применен системно-структурный метод, позволивший уточнить классификацию преступлений против правосудия, предложенную Ю. И. Кулешовым, а также иные общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, моделирование) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой).

Результаты исследования

Подкуп судьи, несомненно, весьма опасное преступление. Однако правосудие испытывало покушения не только вследствие подкупа и не только через судей. Классификаций преступных деяний против право-

судия, созданных российскими учеными, известно немало. В качестве классифицирующего признака использовались и субъекты преступления [Горелик, А. С., Лобанова, Л. В., 2005, с. 48–49], и непосредственный объект преступления [Гаранина, М. А., 1995, с. 20, 109]. При применении двух признаков отмечалось, что «основное значение для построения системы особенной части всегда имел и имеет объект, против которого преступление направлено, и такое деление себя в основном оправдало» [Шаргородский, М., 1947, с. 3].

На наш взгляд, достаточно логичной и сбалансированной представляется классификация, предложенная Ю. И. Кулешовым в диссертации [Кулешов, Ю. И., 2007]. Все преступления против правосудия подразделяются им на две группы в соответствии с логикой структуры главы 31 «Преступления против правосудия» Уголовного кодекса Российской Федерации. К первой автор отнес посягательства непосредственно на процессуальную деятельность участников процесса, ко второй – посягательства на личностные блага (жизнь, здоровье, честь, достоинство, личную безопасность) участников процессуальных и постпроцессуальных отношений, а также близких им лиц в целях воспрепятствования законной деятельности или из мести за такую деятельность. В свою очередь, первая группа преступлений подразделена на следующие подгруппы:

- а) нарушение деятельности, связанной с принятием процессуальных решений;
- б) нарушение деятельности, связанной с получением объективной информации о преступлении;
- в) нарушение деятельности, связанной с законным получением достоверных доказательств преступления;
- г) нарушение деятельности, связанной с расследованием, пресечением и раскрытием преступления;
- д) нарушение деятельности, связанной с исполнением судебных актов [Кулешов, Ю. И., 2007, с. 58–59].

Соглашаясь с такой классификацией, мы считаем необходимым привести ее в соответствие с последовательностью процессуальных и постпроцессуальных действий, а значит, объективно классификация будет выглядеть следующим образом:

- а) нарушение деятельности, связанной с получением объективной информации о преступлении (провокация взятки или подкупа, ложный донос, отказ от дачи показаний);
- б) нарушение деятельности, связанной с законным получением достоверных доказательств о преступлении (принуждение к даче показаний, фальсификация доказательств или результатов ОРД, заведомо ложные показания);
- в) нарушение деятельности, связанной с расследованием, пресечением и раскрытием преступления (разглашение данных предварительного расследования, укрывательство преступлений);

г) нарушение деятельности, связанной с принятием процессуальных решений (воспрепятствование осуществлению правосудия, предварительного расследования, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела, незаконное освобождение от уголовной ответственности, незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного акта);

д) нарушение деятельности, связанной с исполнением судебных актов (незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации, побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, уклонение от отбывания наказания, неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта).

Что же касается второй группы, то здесь также следует выделить две подгруппы:

а) защита жизни, здоровья и безопасности участников процессуальных и постпроцессуальных отношений и их близких;

б) защита от посягательств на честь, достоинство и деловую репутацию участников процесса.

На основе уже этой классификации исследуем развитие уголовного права Российской империи в борьбе с преступлениями против правосудия.

Надо заметить, что некоторые исследователи, рассматривая преступления против правосудия, мало внимания уделили правовым актам XVIII столетия, а иные и вовсе пропускают не только его, но и предыдущее столетие, переходя от норм Судебника 1550 г. к Своду законов 1832 г. [Шумилин, С. Ф., Будаева, К. О., 2018, с. 18–19].

Одним из первых актов Петра I в области судопроизводства был Указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», где законодатель констатировал, что уже на стадии обнаружения преступлений и подачи исков в суды многие истцы фабрикуют вымышленные дела, но и ответчики защищаются «неправдою ж составными вымыслы своими и лукавством»¹, и от того честным людям «убытки и разоренье... а ябедником и вора́м поживки»². Для предотвращения подобных преступлений против правосудия царь установил смертную казнь за умышленно ложную присягу и умышленно ложные свидетельские показания. Правда, впоследствии в Артикуле воинском законодатель смягчил наказание, указав карать за лжесвидетельство и лжеприсягу отсечением

¹ Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. М. : Госюрлитиздат, 1961. С. 571.

² Там же. С. 573.

пальцев и каторжными работами (арт. 196). Смертная казнь применялась лишь в случае причинения ложными показаниями существенного имущественного или физического ущерба (арт. 197, 198). Но это касалось только умышленных преступлений³.

Создав систему тайного розыска и надзора за законностью (фискалитет), монарх озаботился созданием норм об ответственности за преступления самих фискалов. В Указе от 17 марта 1714 г. «О фискалах и о их должности и действии» были предусмотрены: ложное возбуждение уголовного дела с фальсификацией доказательств (наказывалось так же, как был бы наказан незаконно обвиненный), отказ от возбуждения дела – за взятку или по дружбе (такое же наказание), нарушение секретности своей деятельности либо подследственности (наказывалось «жестоким штрафом, или разорением и ссылкой»⁴). Практически те же нормы ответственности были указаны и в изданной 31 декабря 1719 г. «Инструкции или Наказе Земским Фискалам в Губерниях и провинциях»⁵.

Гвардейские офицеры, возглавлявшие следствие по делам о казнокрадстве (так называемые «майорские канцелярии»), также привлекались к ответственности за нарушения деятельности, связанной с законным получением достоверных доказательств о преступлении. Более того, начальник первой такой канцелярии майор лейб-гвардии Семеновского полка князь М. И. Волконский за злоупотребления, связанные с фальсификацией доказательств и вымогательство, был расстрелян, а другим офицерам при назначении вручались наказания, в которых за «правды лишенные» доказательства не только начальнику, но и остальным чинам канцелярии грозило отнятие «живота и чести, ибо пример видите бывшего маёра Волхонского» [Серов, Д. О., 2002, с. 32]. Российскому законодателю были не чужды идеи предупреждения преступлений как более важной задачи, чем наказание преступника, набравшие силу в континентальной Европе [Eden, W., 1771, p. 7], однако решалась эта задача в основном устрашением.

Создав систему гласного контроля за законностью – прокуратуру, император возложил на прокуроров, в том числе на генерал-прокурора, весьма значительные властные полномочия, в том числе в рамках надзора за следствием и судом. В то же время были установлены суровые санкции за умышленные преступления: «И ежели в чем поманит, или инако, каким образом ни есть, должность свою ведением и волею преступить: то яко преступник указа и явной разоритель Государства наказан будет»⁶.

³ Памятники русского права. Вып. 8. С. 366.

⁴ Там же. С. 51–53

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. I. Т. 5. № 3479.

⁶ ПСЗРИ. Собр. I. Т. 6. № 3979.

Предусмотрено было наказание и за такое преступление, как воспрепятствование правосудию путем укрывательства подозреваемых или осужденных преступников (арт. 206–208)⁷.

Продолжил развитие уголовно-правового регулирования преступлений против правосудия и Устав морской 1720 г. Статья 132 главы XVIII «О лживой присяге и подобных сему преступлениях» уже не упоминает об отрубании пальцев за умышленную ложную присягу, но уточняет наказание: не просто каторга, а, вырезав ноздри, отправить навечно на галеры. Статья 139, единственная в главе XIX «Кого повелено взять, а он будет противиться», требовала захватывать подозреваемых живыми, особенно бунтовщиков и изменников, поскольку в процессе следствия можно было получить сведения о планах и сообщниках; умышленное убийство при задержании каралось смертью. Глава XX «О утаении и увозе злодеев» интересна ст. 141 об отношениях с ошельмованным: если арт. 209 требует только отсылать ошельмованного из войска, то указанная статья запрещает общение с ним, отказывает ему в возможности свидетельствовать и защищаться от насилия. В этом отношении вполне логичной является процедура восстановления чести обрядом возложения флага для прошедших через пытку (ст. 142)⁸.

В царствование Петра I подверглось правовому регулированию еще одно преступление против правосудия – самосуд в форме дуэли. Законодателем оно рассматривалось как одно из наиболее тяжких преступлений против царской власти, поскольку в качестве объекта преступления здесь было нарушенное право монарха распоряжаться жизнью своих подданных, подтвержденное присягой. Кроме того, дуэли тяжким бременем ложились на казну, из которой выплачивались значительные средства на жалованье иностранным офицерам (в среде которых и получили распространение дуэли). Петр I даже приравнял дуэль к бунту, разместив этот состав в арт. 139–147 главы 17 «О возмущении, бунте и драке» Артикула воинского⁹. В качестве субъектов ответственности выступали все без исключения участники дуэлей – сами дуэлянты, секунданты, организаторы, и санкция назначалась одна: позорная казнь через повешение, в том числе и для убитого. Но формально дуэль как самосуд, как проявление неуважения к суду стала рассматриваться лишь после издания Екатериной II «Манифеста о поединках» от 21 апреля 1787 г. [Жаров, С. Н., 2021].

Как видим, на протяжении XVIII в. в российском уголовном праве регламентация преступлений против правосудия была достаточно подробной, однако, в отличие от Западной Европы, создавшей кодифи-

⁷ Памятники русского права. Вып. 8. С. 368.

⁸ Там же. С. 524.

⁹ Там же. С. 352–353.

цированные акты уголовного права еще в Средневековье [Wallinga, Т., 2011, р. 3], нормы об ответственности за эти преступления были не только рассеяны по разным правовым актам, но и расположены были в разных частях этих актов.

Кодификация российского уголовного права в первой половине XIX в. привела к созданию и введению в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение), в котором впервые выделены в самостоятельный раздел преступления против правосудия. Эти составы преступлений были включены в V главу (она носила название «О неправосудии») V раздела «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». В главе было всего 7 статей, в 5 статьях устанавливалась ответственность судей за такие виды преступлений, как: вынесение из «корыстных или иных личных видов» решения, противоречащего смыслу и содержанию законов (ст. 394); назначение подсудимому из «корыстных или иных личных видов, с явным нарушением законов и вопреки положительному оных смыслу» меры наказания выше установленной законом (ст. 395); назначение подсудимому из «корыстных или иных личных видов, с явным нарушением законов и вопреки положительному оных смыслу» меры наказания ниже установленной законом или вообще избавление его от наказания (ст. 396); назначение подсудимому наказания выше или ниже установленного законом без «умышленного со стороны судей, из каких-либо корыстных или иных личных видов» (ст. 397); вынесение судьей неверного решения по уголовному или гражданскому делу в результате «ошибки судьи или неправильного, лишь по недоразумению, толкования законов» (ст. 398). Оставшиеся две статьи устанавливали ответственность должностных лиц, которые должны были осуществлять надзор за доказанностью и законностью судебных решений и приговоров: прокуроров, стряпчих, секретарей суда (ст. 399), и ответственность губернатора за утверждение неправильного судебного решения в том случае, если он сделал это «не из корыстных или иных личных видов» (ст. 400)¹⁰. В последующих редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных эта статья была исключена.

Содержание данной главы указывает на то, что авторы Уложения понимали под неправосудием только те действия, которые были непосредственно связаны с принятием и вынесением судебных решений по гражданским и уголовным делам, т. е. там, где объектом преступления являлась непосредственно деятельность судьи по вынесению решения или деятельность тех государственных служащих, в задачи которых входил контроль за вынесением решений в соответствии с буквой за-

¹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 171–174.

кона. В Уложении закреплялись понятия преднамеренного и непреднамеренного преступления, а также различались умысел и неосторожность. Ответственность за преступления варьировалась в зависимости от того, преднамеренно оно было совершено или же, как было указано в законе, «по недоразумению».

В главе «О неправосудии» указывается достаточно широкий круг субъектов данного состава преступления. Субъектами признавались не только судьи, но и иные должностные лица, в обязанности которых входил надзор за принятыми судебными решениями (прокурор, губернатор), а также те лица, которые непосредственно участвовали в судебном процессе в той или иной роли (секретари суда, стряпчие). В связи с этим авторы считают возможным поддержать точку зрения Ю. И. Кулешова, согласно которой именно в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «интересы правосудия были выделены как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны» [Кулешов, Ю. И., 2007, с. 77].

При этом ряд статей, которые тоже содержали составы преступлений, направленных против правосудия, были размещены в других разделах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Так, нормы, устанавливающие ответственность за ложную присягу (ст. 258–262), находились в разделе II «О преступлениях против веры». Уголовная ответственность предусматривалась: за ложную присягу, данную с умыслом и обдуманном намерением (ст. 258), умышленную ложную присягу по уголовному делу, в результате которой обвиняемый неправильно мог понести или понес уголовное наказание (ст. 259), за ложную присягу, данную без «обдуманного намерения, а по замешательству в трудных обстоятельствах и слабости разума о святости присяги» (ст. 260). В данном случае, с точки зрения авторов Уложения, объектом преступного посягательства являлся факт нарушения присяги, данной в суде, а не ложные показания, поэтому данный состав преступления и был помещен в данном разделе. Подтверждает это и тот факт, что за данный состав преступлений предусматривалась ответственность как по нормам светского, так и по нормам церковного права в соответствии с нормами той конфессии, к которой принадлежало виновное лицо, за исключением ст. 259¹¹.

Законом предусматривалась ответственность за неуважение к суду (ст. 311). Данная статья находилась в главе II, которая называлась «О оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности». Толковался факт неуважения создателями данного нормативного акта очень интересно: под ним понималась подача жалобы в том случае, если на нее уже получен отказ или вынесено решение Правительствующего Сената или профильных

¹¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 96–96.

министерств. Тяжесть наказания зависела от того, в какой раз была подана жалоба. Если при первом и втором случаях подачи такой жалобы виновное лицо получало выговор и строгий выговор с денежным взысканием от ста до пятисот рублей, то в случае подачи ее в третий раз виновное лицо подлежало «высшей мере наказания, за третий раз определенного, и о том публикуется во всеобщее сведение»¹².

Нормы об ответственности за взлом тюрем, побег лиц, находящихся под стражей или надзором (ст. 335–346), были помещены в IV разделе «О преступлениях и проступках против порядка управления»¹³.

Ответственность за незаконное уголовное преследование была закреплена в статьях, размещенных во II главе «О превышении власти и противозаконном оной бездействии». Статьи регулировали процесс судебного следствия и устанавливали ответственность за нарушение правил уголовного судопроизводства. Уголовная ответственность полагалась за такие преступления, как: взятие под стражу без соблюдения установленных правил (ст. 377), проведение выемки или обыска также без соблюдения установленных правил (ст. 378)¹⁴. В данных случаях, по мнению законодателя, объектом преступления выступали не интересы правосудия, а властные полномочия, которые виновное лицо превышало.

В V раздел «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» – в главу IV «О подлогах по службе» – были включены нормы, которые устанавливали ответственность за служебные подлоги (ст. 390–393)¹⁵. Как направленную на защиту правосудия можно назвать ст. 391, которая устанавливала ответственность за предоставление фальшивой подписи, вымышленных свидетельских показаний, подставных свидетелей, предоставление заведомо ложных сведений, оформление документов задним числом и т. д. Эта статья впервые закрепляла в законе понятия «служебный или должностной подлог», «фальсификация доказательств», четко определяя состав данных преступлений.

В этом же разделе в главе XI «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особым родам службы» в отделении I «О преступлениях и проступках чиновников при следствии и суде» (ст. 456–464)¹⁶ были закреплены нормы ответственности судебных следователей и иных судебных чиновников за нарушения в ходе ведения следствия. Уложение о наказаниях выделяло следующие составы преступных дея-

¹² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 125.

¹³ Там же. С. 140–145.

¹⁴ Там же. С. 161–162.

¹⁵ Там же. С. 169–170.

¹⁶ Там же. С. 201–204.

ний: неисполнение правил ведения судебного следствия (ст. 456), приобретение чиновником самим или через подставных лиц имущества, в отношении которого ведется следствие (ст. 457), взятие с лиц, в отношении которых ведется следствие, заемных обязательств (ст. 458), невозбуждение следствия по уголовным делам при наличии необходимых для этого оснований (ст. 459), необъявление лицу, задержанному за уголовное преступление или проступок, в течение трех суток причин его задержания (ст. 460), затягивание следственного производства (ст. 461), истязания и принуждение обвиняемых к даче признательных показаний (ст. 462). Бюрократическая система Российской империи была глубоко коррумпирована, что отмечалось даже иностранными исследователями [Kirmse, S. B., 2019]. Авторы Уложения прекрасно осознавали социальные реалии и были вынуждены бороться с ними, принимая соответствующие законодательные меры.

Нормы об ответственности за возбуждение противозаконных исков и тяжб, ложные доносы, лжесвидетельство и ложные показания (ст. 1165–1172) были размещены в разделе VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния»¹⁷.

Таким образом, нормы, регулирующие ответственность за противодействие правосудию, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. охватывали достаточно широкий круг преступлений, но объект преступного деяния законодателем понимался в очень узком смысле. Тем не менее можно констатировать, что защита интересов правосудия в рамках данного правового акта стала самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны. Разбросанность норм, защищающих правосудие, по разным разделам закона была вызвана тем, что авторы Уложения в основу классификации положили цель преступного деяния. В последующих редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1857, 1866, 1885 гг. нормы, направленные на защиту правосудия, существенных изменений не претерпели.

Обратим внимание на то, что в качестве наказания за преступления против правосудия практически отсутствует смертная казнь. В этом авторы видят широкое распространение просветительно-гуманистических идей, получивших интенсивное развитие в эпоху Просвещения в XVIII в., в том числе идей сужения области применения смертной казни [Howard, J., 1777].

Отмена крепостного права, проведение Судебной реформы привели к созданию и введению в действие Судебных уставов. В 1864 году вводится в действие Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Данный законодательный акт имел более четко структурированную диспозицию статей. К защите судебной власти в этом правовом акте можно отнести только ст. 31 главы II «О проступках против порядка

¹⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 479–483.

управления», в которой устанавливалась ответственность за словесное оскорбление служителя судебных и правительственных мест¹⁸.

В разъяснениях Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по делу Иванова № 459 1874 г. было указано, что для назначения наказания по данной статье потерпевший должен находиться непосредственно при исполнении своих служебных обязанностей и обвиняемому должен быть известен служебный характер его действий¹⁹. Из большого перечня лиц, за оскорбление которых полагалась ответственность по данной статье, непосредственно к судебной службе относились: сельские заседатели, волостные писари и рассыльный мирового судьи при вручении повестки²⁰.

Дальнейшее развитие норм об ответственности за противодействие правосудию связано с принятием и последующим поэтапным введением в действие Уголовного уложения 1903 г. Но поскольку Уголовное уложение целиком в действие так и не было введено, то рассматривать мы будем только те статьи, которые были введены в действие. Глава 7 «О противодействии правосудию» была введена в действие одновременно с главой «О преступных деяниях и наказаниях вообще». Необходимо отметить более высокий уровень юридической техники данного законодательного акта по сравнению с предыдущим периодом, более совершенную структуру особенной части закона. По мнению Э. В. Георгиевского и Р. В. Кравцова, Уголовное уложение 1903 г. было «...первым законодательным актом в России, в котором преступления против правосудия были систематизированы по видовому объекту посягательства на интересы правосудия и судебной власти» [Георгиевский, Э. В., Кравцов, Р. В., 2021, с. 69].

Однако до конца все нормы так и не были включены в одну главу. Так, ряд норм, связанных с преступлениями против правосудия, были включены в 37-ю главу, которая называлась «О преступных деяниях по службе государственной и общественной». Из нее в действие были введены всего четыре статьи.

Глава 7 называлась «О противодействии правосудию», в нее были включены нормы уголовной ответственности частных лиц за противодействие правосудию. В главе содержались следующие составы преступлений: 1) укрывательство; 2) освобождение арестантов; 3) ложное заявление, ложный донос и лжесвидетельство; 4) подделка доказательств по делу; 5) отказ от дачи показаний в суде; 6) укрывательство преступника; 7) сокрытие следов преступления; 8) несообщение о совершен-

¹⁸ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, разъясненный решениями Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1866–1871 гг. СПб. : Тип. II отд. Е. И. В. К., 1880. С. 27.

¹⁹ Там же. С. 28.

²⁰ Там же. С. 29.

ном или планируемом тяжком преступлении и т. д. Перечень составов преступлений достаточно широкий, но большинство статей так и не были введены в действие и не оказали поэтому существенного влияния на практику русского уголовного права. Отметим, что состав лжесвидетельства в качестве субъекта преступления уравнивал простого свидетеля, эксперта и переводчика, между тем как квалифицированное мнение специалиста могло иметь решающее значение при определении вины или невиновности, а доказательства, добытые без участия сведущего лица, могли быть признаны недопустимыми [Hand, L., 1901].

Уголовной ответственности подлежало только умышленное укрывательство преступника – как осужденного, так и находящегося под следствием. Целью преступления являлось сокрытие лица, совершившего преступление, от правосудия. Профессор Московского Императорского университета С. В. Познышев считал, что преступлением является также укрывательство «не привлеченного еще к следствию и даже еще не разыскиваемого преступника». Согласно ст. 170 Уголовного уложения укрывательство было ненаказуемо в том случае, если укрываемый был членом семьи или если укрыватель или член его семьи участвовали в укрываемом преступлении [Познышев, С. В., 1912, с. 409]. Кроме того, укрывательством считались: ложная явка с повинной в тяжком преступлении; ложная выдача себя на следствии или суде за другое лицо, заведомо виновное в тяжком преступлении; отбытие наказания, связанное с лишением свободы, за приговоренного к нему; недонесение о достоверно известном участнике тяжких преступлений.

Ответственность за освобождение арестантов устанавливалась в ст. 173 и назначалась за побег из-под стражи, из мест заключения, с поселения, содействие побегу, оставление предписанного места жительства.

Различались объективный и субъективный состав преступления. Наказание зависело от наличия умысла у виновного лица и от содержания объективной стороны преступления: насилие над стражей, повреждение мест заключения, освобождение лица, приговоренного к каторге или отбывающего ее, и т. д. (ст. 174–178).

Такой состав преступления, как заведомо ложное заявление (ст. 156), предполагал умышленное сообщение органам правосудия о вымышленном преступном событии. Анализируя данный состав преступления, С. В. Познышев подчеркивал, что не следует наказывать каждое заявление, оказавшееся ложным, поскольку это может ослабить стремление граждан «содействовать правосудию» в связи с вероятностью их привлечения к ответственности [Познышев, С. В., 1912, с. 395].

Уголовная ответственность наступала в том случае, если присутствовали признаки виновного деяния: предметом заявления было заведомо ложное событие, заявление было сделано в орган, имевший право на возбуждение уголовного преследования, в действиях лица, сделавшего

заявление, присутствовал умысел о привлечении обвиненного лица к уголовной ответственности²¹.

Под лжедоносом в законе понималось ложное обвинение определенного лица, сделанное перед компетентными органами, в преступном деянии или в нарушении служебных обязанностей, которое могло послужить основанием для дисциплинарного производства (ст. 157). В данном случае закон очень четко определял признаки виновного деяния и объективную сторону преступления. Обвинение должно было быть ложным, умышленным, т. е. лжедоносчик должен иметь умысел на возбуждение уголовного или дисциплинарного преследования против определенного лица, при этом в нем должно содержаться обвинение определенного лица в определенном деянии [Познышев, С. В., 1912, с. 401].

Обсуждение и заключение

Проведенный, далеко не исчерпывающий, анализ норм уголовного права России XVIII – начала XX столетия позволяет не только сделать вывод о высоком уровне юридической техники исследуемого периода, но и признать: защита интересов правосудия воспринималась законодателем как объект самостоятельной уголовно-правовой защиты.

Список источников

- Гаранина М. А. Система преступлений против правосудия: формирование и развитие : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 158 с.
- Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В. Преступления против правосудия в уголовном законодательстве России эпохи абсолютной монархии // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2. С. 63–71. DOI: 10.26516/2071-8136.2021.2.63.
- Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с.
- Жаров С. Н. Дуэль как состав преступления в российском уголовном праве XVIII–XIX вв. // Вопросы экономики и права. 2021. № 5 (155). С. 7–10. DOI: 10.14451/2.155.7.
- Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории законотворчества и правоприменения : дис. д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007. 490 с.
- Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб. : Скоропечатня Ю. О. Штейна, 1871. 712 с.

²¹ Свод законов Российской империи. Т. XV. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229/262.html> (дата обращения: 12.01.2022).

Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М. : Скоропечатня Г. А. Лемана, 1912. 508 с.

Серов Д. О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): Историко-правовой очерк. Новосибирск : Сибвузиздат, 2002. 329 с. ISBN: 5-7014-0308-4.

Шаргородский М. Система особенной части Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. 1947. № 6. С. 3–6.

Шумилин С. Ф., Будаева К. О. Преступления против правосудия по российскому законодательству: вопросы истории // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 17–21.

Eden W. Principles of Penal Law. London : Printed for B. White, 1771. 323 p. ISBN: 9781379904496.

Hand L. Historical and practical considerations regarding expert testimony // Harvard Law Review. 1901. Vol. 15. P. 40–58. DOI: 10.2307/1322532.

Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. Warrington : Printed by William Eyres, 1777. 521 p.

Kirmse S. B. The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 341 p. ISBN: 9781108582711.

Wallinga T. The Common History of European Legal Scholarship // Erasmus Law Review. 2011. Vol. 4, issue 1. P. 3–20. DOI: 10.5553/ELR221026712011004001002.

References

Eden, W., 1771. *Principles of Penal Law*. London: Printed for B. White. 323 p. ISBN: 9781379904496.

Garanina, M. A., 1995. *Sistema prestuplenij protiv pravosudiya: formirovanie i razvitie* = [The system of crimes against justice: formation and development]. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 158 p. (In Russ.)

Georgievsky, E. V., Kravtsov, R. V., 2021. Crimes against justice in the criminal legislation of Russia of the era of absolute monarchy. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* = [Siberian Legal Bulletin], 2, pp. 63–71. (In Russ.) DOI: 10.26516/2071-8136.2021.2.63.

Gorelik, A. S., Lobanova, L. V., 2005. *Prestupleniya protiv pravosudiya* = [Crimes against justice]. St. Petersburg: Yuridichesky Tsentr Press. 491 p. (In Russ.)

Hand, L., 1901. Historical and practical considerations regarding expert testimony. *Harvard Law Review*, 15, pp. 40–58. DOI: 10.2307/1322532.

Howard, J., 1777. *The State of the Prisons in England and Wales*. Warrington: Printed by William Eyres. 521 p.

Kirmse, S. B., 2019. *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 341 p. ISBN: 9781108582711.

Kuleshov, Yu. I., 2007. *Prestupleniya protiv pravosudiya: problemy teorii zakonotvorchestva i pravoprimeneniya* = [Crimes against justice: problems of the theory of lawmaking and law enforcement]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Vladivostok. 490 p. (In Russ.)

Lokhvitsky, A. V., 1871. *Kurs russkogo ugolovnogo prava* = [Course of Russian criminal law]. St. Petersburg: Yu. O. Shtein's Printing House. 712 p. (In Russ.)

Poznyshev, S. V., 1912. *Osobennaya chast' russkogo ugolovnogo prava. Sravnitel'nyj ocherk vazhnejshih otdelov osobennoj chasti starogo i novogo ulozhenij* = [A special part of Russian criminal law. A comparative sketch of the most important departments of the special part of the old and new regulations]. Moscow: G. A. Leman's Printing House. 508 p. (In Russ.)

Serov, D. O., 2002. *Prokuratura Petra I (1722–1725 gg.): Istoriko-pravovoy ocherk* = [Prosecutor's Office of Peter I (1722–1725). Historical and legal essay]. Novosibirsk: Sibvuzizdat. 329 p. (In Russ.) ISBN: 5-7014-0308-4.

Shargorodsky, M., 1947. The system of the special part of the Criminal Code of the USSR. *Socialisticheskaya zakonnost'* = [Socialist Legality], 6, pp. 3–6. (In Russ.)

Shumilin, S. F., Budaeva, K. O., 2018. Crimes against justice under Russian legislation: questions of history. *Problemy pravoohraniel'noj deyatel'nosti* = [Problems of Law Enforcement], 4, pp. 17–21. (In Russ.)

Wallinga, T., 2011. The Common History of European Legal Scholarship. *Erasmus Law Review*, 4(1), pp. 3–20. DOI: 10.5553/ELR221026712011004001002.

Zharov, S. N., 2021. Duel as a crime in the Russian criminal law of the XVIII–XIX centuries. *Voprosy ekonomiki i prava* = [Questions of Economics and Law], 5, pp. 7–10. (In Russ.) DOI: 10.14451/2.155.7.

Информация об авторах / Information about the authors

Жаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Уральского филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 454135, Челябинск, ул. Энергетиков, д. 63).

Sergey N. Zharov, Dr. Sci. (Law), Professor of the Theory and History of Law and State Department, Ural Branch, Russian State University of Justice (63 Energetikov St., Chelyabinsk, 454135, Russian Federation).
ORCID: 0000-0003-4789-7241

Финогентова Ольга Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Российская Федерация, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14).

Ol'ga E. Finogentova, Dr. Sci. (Law), Professor of the Theory and History of State and Law Department, Immanuel Kant Baltic Federal University (14 Aleksandr Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russian Federation).
ORCID: 0000-0003-4568-9764

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 12.09.2022; дата одобрения после рецензирования: 10.01.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 15.05.2023.

Submitted: 12.09.2022; reviewed: 10.01.2023; revised: 15.05.2023.